

ПОСТСОВЕТСКИЕ ДЕ-ФАКТО ГОСУДАРСТВА: ТРАЕКТОРИИ БОРЬБЫ ЗА СУВЕРЕНИТЕТ

© 2021 г. С. Маркедонов

*МАРКЕДОНОВ Сергей Мирославович, кандидат исторических наук,
ORCID 0000-0003-2298-9684, smarkpost@gmail.com*

Институт международных исследований МГИМО МИД России, РФ, 119454 Москва, пр-т Вернадского, 76.

Статья подготовлена при финансовой поддержке МГИМО МИД России в рамках проекта № 1921-01-05 “Де-факто государства Евразии: сравнительный анализ и типологизация”.

Статья поступила в редакцию 28.07.2021.

В статье рассматриваются траектории борьбы за суверенитет постсоветских де-факто государственных образований. Автор предлагает комплексный анализ их эволюции в последние годы существования Советского Союза и в период после распада СССР. В статье дается типологизация де-факто государств. С точки зрения автора, можно говорить о двух поколениях таких образований. В статье эволюция траекторий борьбы де-факто государств за суверенитет представлена в контексте сменяющихся друг друга трех постсоветских региональных порядков. По мнению автора, все постсоветские непризнанные республики сформировались в условиях разрушения конституционного консенсуса 1977–1978 гг. и борьбы за изменение статусов союзных и автономных республик. Однако в дальнейшем траектории продвижения и защиты суверенитета де-факто государственных образований существенно разошлись. Автор показывает меняющиеся приоритеты, стратегии и тактики непризнанных образований, общие и особенные черты в выстраивании их внешнеполитических идентичностей.

Ключевые слова: де-факто государства, распад Советского Союза, постсоветское пространство, этнополитические конфликты, нациестроительство, суверенитет, независимость, автономия, самоопределение, сецессия, государство-патрон.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-12-79-89

ДЕ-ФАКТО ГОСУДАРСТВА: ОСМЫСЛЕНИЕ ФЕНОМЕНА

Де-факто государственные образования представляют собой многоаспектный феномен мировой политики. Во-первых, они являются сердцевинной конфликтов, возникших в результате распада полиэтничных федераций, имперских государств или деколонизации [1].

Во-вторых, как правило, конфликты, в ходе развития которых и возникают такого рода образования, изначально протекающие как межобщинные локальные противостояния, со временем трансформируются в проблемы региональной и международной безопасности. Происходит разворот от “этнополитики к геополитике” [2, pp. 158-159]. В этой связи уместным выглядит определение де-факто государств как “геополитических образований” [3, p. 429], оказывающих серьезное воздействие на взаимоотношения ведущих мировых держав. В настоящее время проблема Абхазии, Косово, Приднестровья и Южной Осетии уже не исчерпываются противоборством центральных властей Грузии, Молдавии или Сербии с территориями, отколовшимися от них в результате сецессионистских или ирредентистских конфликтов, но и уже превратились в объекты конфронтации

между Россией и Западом [2, 4]. Ситуация на Кипре также не сводится к формату греко-турецкого межобщинного противостояния на разделенном острове, она отражает новую роль и внешнеполитические амбиции Турции в Евразии [5, pp. 1085-1104].

В-третьих, существование де-факто государств ставит непростые дилеммы для международного права. Неизбежно возникают вопросы о критериях и стандартах (не)признания сецессии или территориальной целостности, временных рамках определения (не)состоятельности вновь провозглашенного государства, (не)возможности военной интервенции для урегулирования конфликтов [6, pp. 527-545; 7, pp. 22-32].

Многоаспектность феномена де-факто государственности предопределяет широкий исследовательский интерес к нему. Впрочем, всплеск внимания к данной проблеме – явление сравнительно недавнее. Оценивая состояние научной литературы по данной проблеме в 1990-е годы, С. Пегг констатировал, что “изучение государств де-факто было довольно маргинальным предприятием. Хотя отдельные кейсы, такие как Абхазия, Косово, Нагорный Карабах или Тамил-Илам, иной раз имели свои пятнадцать минут славы, немногие исследователи международных отношений уделяли им должное внимание” [8]. По словам Д. Линча,

“значительный анализ был посвящен отдельным случаям конфликтов в бывшем Советском Союзе, но сравнительного изучения сепаратистских образований практически не проводилось” [9, р. 832].

Однако через два десятилетия ситуация радикально изменилась. Востребованность проблематики де-факто государств значительно возросла после того, как непризнанные или частично признанные образования попали в фокус международной повестки. В настоящее время не наблюдается дефицита сравнительно-политологических исследований. Напротив, типологизации де-факто государств, анализу общих и особенных черт их генезиса посвящен значительный корпус научных трудов [1; 3, pp. 423-456; 7; 10; 11; 12; 13; 14]. Преодолены и характерные для работ 1990-х — первой половины 2000-х годов упрощенные представления о непризнанных республиках как марионетках великих держав и “черных дырах” международной политики [15, 16]. Более того, исследователи пришли к выводу, что де-факто государства — не временная аномалия, а устойчивая политическая среда, оказывающая воздействие на международные процессы [17]. Все больше специалистов обращается к таким сюжетам, как внешнеполитическая активность, электоральные процессы, особенности демократизации и экономического развития де-факто образований [1, 3, 7, 17, 18, 19, 20, 21, 22].

Тем не менее для большей части научных работ по-прежнему характерна определенная монодисциплинарность. Корпус исследований по данной теме распадается на несколько треков: правовой, конфликтологический, внутриполитический, теоретико-методологический [1, 6, 7, 8, 10, 17, 18, 19, 22, 23, 24]. В исследованиях, посвященных международно-правовым коллизиям вокруг де-факто государств, практически не рассматривается динамика этнополитических конфликтов, хотя ее анализ помог бы лучше раскрыть особенности внешнеполитического позиционирования государств с оспоренным статусом. В то же время конфликтологические работы не дают достаточного понимания внутренней эволюции в непризнанных и частично признанных образованиях. Общетеоретическим работам свойственна определенная схематичность, тогда как скрупулезно проработанные фактографические тексты носят порой излишне описательный характер.

Серьезной проблемой остается и хронологическая ограниченность исследований. Позднесоветский период, когда зарождалась инфраструктура будущих де-факто образований, крайне редко исследуется во взаимосвязи с постсоветской динамикой. Более того, подчас научная актуализация определяется политическими факторами, будь то признание Косово, Абхазии и Южной Осетии,

присоединение Крыма к России или конфликт на юго-востоке Украины. Как следствие, возникает фокусировка на событиях, непосредственно предшествующих тому или иному “поворотному пункту”, без должной проработки исторического бэкграунда.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ И ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ РАМКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

В нашей статье мы фокусируемся на траекториях выстраивания и защиты суверенитета постсоветскими де-факто образованиями, рассматриваем общие и особенные черты в их стратегии и тактике. Данные вопросы становились предметом специального интереса ряда исследователей [1, 6, 17, 25, 26, 27, 28]. Авторы предлагали для оценки суверенитета де-факто государств такие формулировки, как “проблемный”, “оспоренный”, “условный”, “подвешенный”. Сами же попытки их суверенизации исследовались в контексте так называемой серой зоны мировой политики, пространства между государствами — членами ООН и негосударственными образованиями [17]. Однако феномен непризнанного суверенитета рассматривался по преимуществу в политико-правовых категориях без достаточного учета исторических контекстов. Таким образом, на первый план выходили не столько конкретные траектории эволюции суверенитета де-факто государств, сколько международно-юридические генерализации.

Важными преимуществами нашего исследования являются его междисциплинарный характер, а также системный подход в анализе траекторий борьбы за суверенитет постсоветских де-факто государств. Наша работа ограничена географическими рамками бывшего Советского Союза. Такой выбор определен типологической близостью этнополитических конфликтов в недрах некогда единого государства, а также общности происхождения непризнанных республик. Все они были продуктом советской национально-государственной политики. И до тех пор, пока их статус не определен окончательно, а спорные вопросы между ними и новыми независимыми государствами — членами ООН не будут урегулированы, процесс реконфигурации бывшего СССР нельзя считать в полной мере завершенным.

В представленном исследовании мы опираемся на проблемно-хронологический принцип. Траектории борьбы за суверенитет постсоветских де-факто образований мы рассматриваем в контексте распада СССР, а также трех постсоветских региональных порядков (1991—2008 — “беловежский”, 2018—2020 — “постбеловежский” (первый ревизио-

низм) и 2020 – настоящее время – “евразийская многополярность” (второй ревизионизм)).

Мы также предлагаем типологизацию де-факто государств. Она основана не на привычных подходах (показатели состоятельности их властных институтов, количество внешних признаний или уровень вовлеченности в международные дела), а на анализе процессов реконфигурации пространства бывшего СССР. С нашей точки зрения, правомерно говорить о существовании двух поколений де-факто образований. В научной литературе уже предложена успешная периодизация постсоветских конфликтов, основанная на идее двухпоколенной структуры. Рождение первого поколения объясняется обстоятельствами распада Советского Союза, а второго – событиями “евромайдана” на Украине и нарастающей конкуренцией между Россией и Западом за влияние в Евразии [2]. Между тем понятия “два поколения постсоветских конфликтов” и “два поколения де-факто государств” при всей их близости не тождественны.

Формирование властной и идеологической инфраструктуры непризнанных республик, а в некоторых случаях и акты самопровозглашения имели место до начала вооруженных противостояний. Де-факто государства “первого поколения” родились и выросли в условиях системного политико-правового кризиса советской системы и дефицита легитимности новых независимых государств, возникших после подписания Беловежских соглашений. Конфликты явились следствием этих процессов, но сами по себе не создали государства с оспоренным статусом. Во многом они стали тестом на способность непризнанных республик политически и физически существовать.

“Второе” поколение де-факто образований появилось на стыке идентификационных и внутривосточных противоречий на Украине и углубляющейся конфронтации между Россией и Западом. При этом сдвиг “от этнополитики к геополитике” в развитии постсоветских конфликтов произошел намного раньше событий в Крыму и Донбассе. Однако Абхазия, Нагорный Карабах, Приднестровье, Южная Осетия, а тем более Чечня под властью сепаратистов не превратились от этого во “второе поколение” де-факто государств. Изменилась динамика конфликтов, фактор конфронтации между Россией и Западом стал играть в них большую роль. Но все это не отменило особенностей происхождения и развития непризнанных образований на постсоветском пространстве.

Вряд ли можно согласиться с выводами о том, что украинские конфликты (противостояния “второго поколения”) не привели к появлению новых де-факто государств, поскольку Минские соглашения говорят об “отдельных районах До-

нецкой и Луганской областей” в составе Украины, а Крым официально рассматривается Россией как ее составная часть, что в свою очередь отрицается Киевом и большей частью международного сообщества [2, pp. 142-162]. Но стоит заметить, что ни одно из соглашений о мирном урегулировании “первого поколения” конфликтов в 1992–1994 гг. (Дагомыские по Южной Осетии, Московские по Приднестровью и Абхазии, а также договоренности о бессрочном прекращении огня в Карабахе) не упоминало о сепаратистских образованиях как отдельных государствах. И не предопределяло их будущий статус вообще. При этом все эти непризнанные республики реально существовали и играли значительную роль в формировании региональной повестки дня, как играют ее сегодня Донецкая и Луганская народные республики (далее ДНР/ЛНР). Более того, подписи лидеров “народных республик” под Минскими соглашениями, хотя и без указания их статуса, свидетельствуют о принятии в расчет их фактической роли в конфликте и процессе мирного урегулирования. Если же говорить о статусе Крыма, то его переход под российскую юрисдикцию начинался с провозглашения независимости и де-факто отделения от Украины.

Таким образом, хронологически поколения постсоветских конфликтов и де-факто государств не во всем совпадают. Рождение “первого поколения” непризнанных образований стоит отнести к позднесоветскому периоду. До начала 2000-х годов оно существовало в рамках этнополитических конфликтов. “Второе поколение” с самого начала развивалось в трех конфликтных измерениях – внутриукраинском противостоянии по линии Киев–Донецк–Луганск и двух внешнеполитических противостояниях (Россия–Украина и Запад–Россия) [29]. Во многом его появление стало следствием поворота постсоветской повестки “от этнополитики к геополитике”.

Междисциплинарный характер нашего исследования определяет и его концептуальные рамки. Они выстраиваются на синтезе нескольких парадигм. Вся история постсоветских непризнанных образований представляет собой непрерывную цепь реконцептуализаций целей, задач, приоритетов национально-государственного строительства. В рассмотрении эволюции этих траекторий мы опираемся на конструктивистскую традицию в социальных науках [30; 31, pp. 2-14; 32].

Постсоветские де-факто образования, столкнувшись с дефицитом международного признания, испытывают острую необходимость “символизации” своей политики для обоснования уникальности национального самоопределения и продвижения суверенитета вне рамок “родительских государств”. В этом ряду мы можем особо отметить

такие символические конструкты, как “Отечественная война народа Абхазии”, “геноцид южных осетин”, “блокада Приднестровья”. Значительную роль в выстраивании “линии защиты” Степанакерта, Сухуми, Тирасполя и Цхинвали играет и “символ Косово” как успешный и имеющий широкую внешнюю поддержку прецедент сепаратизма [33, сс. 15–17]. В этой связи представляется актуальным обращение к теории символической власти П. Бурдьё [34].

В постсоветской политической практике вопрос о признании особого статуса де-факто государств и даже любая уступка центральным властям отделившимся или отделяющимся образованиям зачастую расцениваются как путь, ведущий если не к государственному коллапсу, то к фундаментальному ослаблению страны перед внешней угрозой. Как следствие, возникает неустраиваемость идей “разделенного суверенитета” и практик федерализма в новых независимых государствах на пространстве бывшего СССР. И в свою очередь запрос на сепаратизм даже при ничтожно малых шансах на международное признание [33]. В этом контексте мы обращаемся к “дилемме безопасности”, одному из ключевых понятий в рамках реалистской теории международных отношений [35].

ПОЗДНЕСОВЕТСКАЯ СУВЕРЕНИЗАЦИЯ: “ОСЕВОЕ ВРЕМЯ” ДЕ-ФАКТО ГОСУДАРСТВ

В период перестройки (1985–1991 гг.) советская система переживала одновременно несколько кризисов. В контексте зарождения будущих де-факто государств для нас особенно важен процесс ревизии и последующего распада конституционного консенсуса 1977–1978 гг. Он был обеспечен путем сложных согласований и селективных репрессалий, с помощью которых были купированы конфликты союзных республик и автономий 1950–1970-х годов [36]. Его постепенный демонтаж создал ту среду, в которой возникли запросы на новые статусы. Но позднесоветская система в условиях многоаспектного кризиса была не в состоянии удовлетворить их, не поставив под удар сложившуюся стабильность национальных отношений и всего национально-государственного устройства СССР. Добавим к этому и имевшиеся системные противоречия внутри самого конституционного консенсуса 1977–1978 гг. Право на сепаратизм не поддерживалось проработанной процедурой ее реализации, а привилегированное положение союзных республик в иерархии национально-государственных образований СССР провоцировало недовольство автономий.

Политическая либерализация перестроечных времен “открыла кингстоны” для борьбы за переосмысление имеющихся статусов. Руководство Нагорно-

Карабахской автономной области (НКАО) Азербайджанской ССР поставило вопрос о переходе под юрисдикцию Армянской ССР, Лыхненский сход выступил за развитие Абхазии вне рамок Грузии, а лидеры Юго-Осетинской автономной области призвали к расширению суверенных прав путем повышения статуса до АССР.

Впрочем, было бы неверно сводить причины формирования будущих де-факто образований к борьбе “восставших автономий” против союзных республик. Во многом сами союзные республики, стремившиеся к суверенизации вплоть до отделения, провоцировали националистические настроения. Яркий пример такого поведения – принятие “языкового закона” Верховным советом Молдавской ССР от 1 сентября 1989 г.¹ Этот тренд усилился в 1990–1991 гг., когда борьба за выход из состава Советского Союза вошла в актуальную повестку дня. Более того, сопротивление суверенизации союзных республик далеко не всегда опиралось на институты автономных образований. Такая опора имелась в Абхазии, Нагорном Карабахе и Южной Осетии, но отсутствовала в Гагаузии, Приднестровье, Принаровье, где борьба за свой особый, не связанный с Молдавией и Эстонией суверенитет строилась через низовую гражданскую активность и “рабочую демократию”, продвигаемую руководителями крупных госпредприятий.

Все участники борьбы статусов перестроечной эпохи были сформированы советской этноцентричной политикой, в которой достижение статуса союзной республики с “титульной нацией” выглядело как вхождение в высшую лигу. Как следствие, их стремление либо войти в “свою” республику, либо обеспечить себе положение новой союзной республики, либо получить “особое управление” напрямую из центра.

Однако стратегия и тактика в перестроечной борьбе статусов от кейса к кейсу порой существенно отличались. Если лидеры Абхазии, Гагаузии, Приднестровья, Принаровья, Шальчининкайского района Литвы, Южной Осетии видели свое будущее в сохранении единого Советского Союза и противодействии “антисоветскому сепаратизму” Грузии, Литвы, Молдавии, Эстонии, то движение карабахских армян к 1990 г. встало на антисоветские позиции, поддерживая объединение “миацум” (объединение НКАО с Арменией в одном государстве) путем выхода из состава СССР². Как следствие, популярность карабахского кейса в США, где борьба, которую вел Степанакерт против Баку, восприни-

¹ Закон № 3465 от 01.09.1989 “О функционировании языков на территории Молдавской ССР”. Available at: <http://lex.justice.md/ru/312813/> (accessed 01.06.2021).

² Декларация о независимости Армении от 23 августа 1990 г. Available at: <https://www.gov.am/ru/independence/> (accessed 05.07.2021).

малась как демократическое сопротивление тоталитарной системе и сталинской национальной политике. Забегая вперед, скажем, что такой подход опередил время. Следуя ему, Конгресс США принял поправку 907 к Акту о защите свободы, ограничившую поставки вооружений Азербайджану. Более того, непризнанная Нагорно-Карабахская республика была единственным постсоветским де-факто государством, получавшим американское государственное финансирование [37]. Если в 1989–1990 гг. руководство Чечено-Ингушской АССР боролось за поднятие статуса до уровня республики и выстраивание взаимоотношений с союзным центром поверх российских властей, то ближе к распаду там возобладали идеи “двойного сепаратизма” – отделения от России и “развод” с Ингушетией. Впрочем, просоюзная линия Сухуми, Цхинвали, Тирасполя, Комрата и Нарвы не означала, что в этих движениях доминировали убежденные коммунисты. Сохранение СССР диктовалось неготовностью к суверенизации Грузии, Молдавии, Эстонии в их составе и на условиях тех элит, которые взяли курс на отделение от Союза. Как только распад некогда единой страны принял необратимый характер, Абхазия, Приднестровье и Южная Осетия сделали стратегический выбор в пользу России.

Таким образом, к 1990–1991 гг. между конкурирующими нарративами суверенизации союзных республик, автономий и национальных движений практически не было пространства для компромисса. Хроническое запаздывание центральных властей в выработке подходов урегулирования возникших конфликтов, как и отсутствие единой линии Москвы по национальному вопросу, во многом предопределили неправовой характер распада СССР³. В ходе нее возник “клуб несогласных” с распадом Советского Союза строго по границам 15 республик. Траектории членов этого “клуба” значительно отличались от кейса к кейсу. Некоторые из них (Принаровская республика) едва пережили собственное провозглашение. Но на последующую реконфигурацию пространства бывшего СССР все они оказали весьма существенное воздействие.

ДЕ-ФАКТО ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ “БЕЛОВЕЖСКОГО ПОРЯДКА”

В отношении периода 1991–2008 гг. можно говорить о “беловежском” постсоветском порядке. Распад СССР был зафиксирован не на ос-

³ Закон СССР № 1409-1 “О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР” увидел свет только 3 апреля 1990 г., когда разнонаправленная суверенизация стала приобретать необратимый характер. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/902002993> (accessed 12.06.2021).

нове каких-то четко разработанных критериев, а на принципе *uti possidetis* (лат. “поскольку владеете”), апробированном в ходе деколонизации в Африке. Страна, становившаяся независимой, наследовала те территории и границы, что имела, будучи административным образованием в составе другого, более крупного государства [38]. Вновь возникшие независимые государства в отношениях друг с другом придерживались принципов взаимного признания межгосударственных рубежей, созданных еще в советские времена, как межреспубликанские границы.

Этот региональный порядок, поддерживаемый не только изнутри постсоветского пространства, но и извне, затруднил мультипликацию советского распада. По справедливому замечанию Н.А. Добронравина, «все суверенные “владельцы” отделившихся территорий стремились ликвидировать непризнанные государства путем переговоров или при помощи силы» [17, с. 44]. В случае с Гагаузией и Татарстаном мы увидели случаи успешного мирного решения политико-правового спора между центром и потенциально отделяющимся регионом. Но в большинстве кейсов де-факто государствам пришлось прибегать к силе для защиты своего переформатированного суверенитета. Так было в случае Абхазии, Нагорного Карабаха, Приднестровья, Чечни и Южной Осетии.

В ходе этой борьбы де-факто государства обеспечили контроль над определенным территориальным ядром. И если непризнанная Нагорно-Карабахская республика в ходе военных действий приросла семью районами Азербайджана, не входившими в состав НКАО, то Абхазия, Южная Осетия и Чечня не смогли установить суверенитет над всеми территориями бывших АССР и АО, в рамках которых начиналась их борьба за новый политико-правовой статус. Вне фактического контроля Абхазии осталось Кодорское ущелье (в восточной части республики власть Сухуми долгое время была, скорее, номинальной), Южная Осетия утратила значительную часть Ахалгорского района, так называемый Лиахвский коридор, ичкерийским властям противостояла вооруженная оппозиция в Надте-речном районе, а приднестровское руководство вынуждено было делить суверенитет с Молдавией над стратегически важными Бендерами. В ходе вооруженных противостояний были цементированы символы и аргументы в пользу отделения, жертвы ради защиты непризнанной государственности были призваны подкрепить легитимность образований с оспоренным статусом.

При этом как минимум до начала 2000-х годов Запад, вовлеченный в урегулирование конфликтов на постъюгославском пространстве, в постсоветскую политику практически не вмешивался, Россия

по факту получала привилегированное положение. Это ограничивало возможности для внешнеполитического маневра для государств, столкнувшихся с сепаратистским вызовом. Однако в контексте “беловежского порядка” надежды Сухуми, Тирасполя и Цхинвали на патронаж России не оправдались. Москва, столкнувшись с сепаратистским вызовом (в жесткой форме в Чечне и в мягкой – в Татарстане), не просто отказалась выступать патроном этих образований, но и фактически подталкивала их к реинтеграции с “родительскими государствами”. Весьма красноречивой стала история борьбы Абхазии за объединение с Россией. В апреле 1995 г. сухумский Народный сход принял соответствующее обращение в адрес Москвы. Однако неофициально с начала чеченской антисепаратистской кампании в декабре 1994 г., а официально – с 1996 г. Москва и Тбилиси фактически инициировали введение режима санкций против Абхазии, узаконенных решением Совета глав государств СНГ от 19 января 1996 г. “О мерах по урегулированию конфликта в Абхазии, Грузия”⁴. Впоследствии Москва крайне негативно отреагировала на параллельное проведение в Абхазии президентских выборов и референдума по Конституции республики, видя в этих шагах действия по одностороннему предопределению статуса спорного региона [39, сс. 85–110]. Эта ситуация существенно повлияла на изменение общественного мнения в непризнанной республике и позицию его руководства. Не отказываясь от развития суверенитета в теснейшей кооперации с РФ, Абхазия сделала ставку на построение своего национального государства.

В определенной степени из общей рамки “беловежского порядка” выбивались отношения Армении и Азербайджана, вступивших в конфликт из-за Нагорного Карабаха. Однако официальный Ереван еще в канун распада СССР отказался от “миацума” (то есть объединения с бывшей Нагорно-Карабахской автономной областью в составе Азербайджанской ССР, успевшей провозгласить себя в качестве отдельной республики еще до подписания Беловежских соглашений). Армянские власти не пошли и на признание самопровозглашенной НКР. Формально Баку и Ереван не объявляли друг другу войны. Во многом внешняя “отстраненность” Еревана способствовала радикализации позиций Степанакерта. Впрочем, его первоначальный военный успех создал впоследствии значительные проблемы для международного позиционирования непризнанной НКР, у которой появилась “добавленная стоимость” к самоопределению в виде оккупации семи административных районов Азербайджана.

⁴ *Решение о мерах по урегулированию конфликта в Абхазии, Грузия*. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/901818167> (accessed 17.05.2021).

В рамках “беловежского” регионального порядка предпринимались попытки “разморозки” конфликтов, наиболее яркими примерами чего стали военная эскалация в Южной Осетии в 2004–2008 гг. и попытки изменить статус-кво в Абхазии в 2006–2008 гг. Это ставило под сомнение исключительную роль Москвы как медиатора в урегулировании двух конфликтов и подталкивало ее к выбору ревизионистской модели поведения, а в последующем и к трансформации отношений с де-факто образованиями. Укреплению этого тренда также способствовало стремление новых независимых государств решить проблемы своей территориальной целостности за счет внешних игроков (США, ЕС, НАТО).

Кейс Чечни (ее инкорпорирование в состав России) вписывался в “беловежскую логику”. Ни одна из стран не признавала независимости Чеченской республики Ичкерия, а действия российских властей по восстановлению контроля над этим образованием осуждались рядом западных стран не по политическим, а по гуманитарным соображениям. В отличие от того же Карабаха, искавшего патронаж со стороны Армении, Абхазии, Южной Осетии, стремившейся вопреки всему заручиться поддержкой России, суверенитет сепаратистской Чечни не привлек внешнего интереса. Он не был поддержан ни Западом, ни странами Ближнего Востока.

ОТ СТАТУС-КВО К РЕВИЗИОНИЗМУ: НОВЫЙ ЭТАП В РАЗВИТИИ ДЕ-ФАКТО ГОСУДАРСТВ

В период 2008–2020 гг. можно говорить о “пост-беловежском” (первом ревизионистском) региональном порядке. Его основными чертами стали оспаривание российского лидерства на постсоветском пространстве со стороны Запада и готовность Москвы применить силу для защиты своих национальных интересов и с этой целью радикально изменить статус-кво. В рамках “пост-Беловежья” де-факто образования стали опорными точками российского влияния, тогда как противостоящие им “родительские государства” – привилегированными партнерами НАТО и ЕС в Евразии.

В 2008 г. впервые после распада СССР была признана национальная независимость не бывших союзных, а автономных республик. Малое количество признаний в данном контексте вторично. Созданный прецедент намного важнее числа аккредитованных посольств в Сухуми и Цхинвали. Были поставлены под сомнение границы, созданные в советский период. В отличие от “беловежского периода” Россия в случае с Грузией перестала быть модератором в разрешении конфликта, однознач-

но поддержав Абхазию и Южную Осетию. В паре Молдавия—Приднестровье имелись свои нюансы, так как Москва отказалась от мультипликации признания де-факто образований внутри СНГ. В тот момент Кремль стремился показать Западу, что кавказские кейсы уникальны, как Косово для США и их союзников, а ревизионистские практики порождены особыми обстоятельствами и не будут регулярными. Следует также иметь в виду, что в 2008 г. отношения России с Молдавией и Украиной (имеющей общую границу с непризнанной ПМР) не дошли до “точки кипения”, как в случае с Грузией. В то же время Россия подчеркивала и подчеркивает сегодня недопустимость силовой “разморозки” конфликта на Днестре в ущерб своим интересам.

Новые реалии укрепили позиции частично признанных образований. И не только Абхазии и Южной Осетии. В Приднестровье был принят ряд законодательных актов, фактически выводящих ее из правового пространства Молдавии. С одной стороны, Сухуми и Цхинвали были избавлены от угрозы новых военных “разморозок”. Они также смогли установить контроль над территориями бывших Абхазской АССР и Юго-Осетинской АО, потерянных ими в ходе конфликтов начала 1990-х годов. Но, с другой стороны, экономическая зависимость от провайдера их безопасности — России — увеличилась [40]. При этом траектории суверенитета двух бывших автономий Грузинской ССР разошлись. В случае с Южной Осетией речь идет о большей интеграции ее военной и правоохранительной систем с российскими, тогда как Абхазия в политическом плане сохраняет определенную дистанцию от РФ⁵.

В значительной степени ситуация в Крыму и вокруг него зимой—весной 2014 г. была продолжением той же ревизионистской логики. И хотя в формально-правовом плане присоединение полуострова, пребывавшего на протяжении 23 лет в составе Украины и признаваемого в качестве украинской территории самой Россией, отличалось от признания независимости бывших автономий Грузинской ССР, в контексте практической политики эти кейсы мало чем отличались. Присоединение полуострова к РФ в виде двух ее субъектов произошло после того, как Автономная Республика Крым и городские власти Севастополя приняли совместную Декларацию о независимости

сти⁶ и де-факто отделились от Украины. Но в отличие от кавказских кейсов Крым в статусе непризнанной республики пробыл меньше недели. Его пророссийские элиты отождествили реализацию суверенитета с инкорпорированием в состав РФ. В то же время крымский кейс стал триггером появления де-факто государств второго поколения. В условиях жесткого геополитического противостояния ЛНР и ДНР, в отличие от аналогичных образований первого поколения, прошли путь от борьбы за более высокий статус в рамках “родительского государства” за самоопределение в пользу другой страны за считанные месяцы [29].

Начало отсчета третьего постсоветского регионального порядка можно вести с ноября 2020 г., то есть с завершения очередного армяно-азербайджанского военного противостояния за Карабах (“сорокачетырехдневной войны”) [41]. Его можно назвать “вторым ревизионизмом” или “евразийской многополярностью”. В настоящее время мы можем говорить о незавершенности формирования этого порядка. Но контуры его уже угадываются. Речь идет о том, что конкуренция на постсоветском пространстве не является более эксклюзивным соревнованием России и Запада. Более того, не только эти игроки могут применять в анализируемой части мира военную силу. Решающая роль в сломе старого статус-кво в Карабахе в 2020 г. в отличие от 2008 г. принадлежала Турции. Это государство, тесно связанное с США участием в НАТО и стратегическим союзничеством, на Южном Кавказе давно играло самостоятельную роль. И его позиционирование в отдельно взятом конфликте прямо противоречило интересам и подходам западных союзников Анкары (Вашингтона и Парижа).

При этом главным выгодоприобретателем нового статус-кво стал Азербайджан, значительно укрепивший свои позиции в Евразии и вернувший под контроль ранее утраченные территории. Без внешней помощи его действия могли бы быть вписаны в “беловежскую логику”. Но война в Карабахе стала первым случаем прямого вооруженного вовлечения внешнего актора в постсоветские конфликты и судьбы де-факто государств. И если в ходе “постбеловежского” порядка непризнанные республики имели возможность укрепить свой суверенитет, минимизировать его “проблемность”, то в 2020 г. мы увидели обратный процесс. Произошло критическое ослабление самопровозглашенной и никем не признанной НКР. Способность его государства-патрона Армении быть гарантом его суверенитета была поставлена под сомнение. Более того, после завершения военных действий начал-

⁵ Договор между Российской Федерацией и Республикой Абхазия о союзнничестве и стратегическом партнерстве от 24 ноября 2014 г. Available at: <http://www.kremlin.ru/supplement/4783> (accessed 10.07.2021).

Договор между Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия о союзнничестве и интеграции от 18 марта 2015 г. Available at: <http://www.kremlin.ru/supplement/4819> (accessed 10.07.2021).

⁶ Декларация о независимости Автономной Республики Крым и г. Севастополя. Available at: http://www.crimea.gov.ru/news/11_03_2014_1 (accessed 10.06.2021).

ся, по сути, новый этап армяно-азербайджанского конфликта, где основным вопросом становятся демаркация и делимитация межгосударственной границы. И это усиливает неопределенность в отношении будущего Нагорного Карабаха.

Де-факто образование, урезанное территориально и утратившее “пояс безопасности” в виде семи прилегающих к бывшей НКАО районов и стратегических высот вокруг Шуши, сегодня своим выживанием стало обязано российским миротворцам⁷. И его суверенитет теперь зависит не от поддержки Еревана (который сам нуждается в защите от наступательных действий Анкары и Баку), а от позиции Москвы по урегулированию застарелого конфликта. Таким образом, наряду с геополитической конкуренцией вокруг де-факто образований между Россией и Западом, в 2020 г. добавился фактор Турции, выступающей одновременно как ревизионист-защитник территориальной целостности Азербайджана и в то же время ревизионист-патрон сепаратистского проекта “Турецкая республика Северного Кипра”⁸.

* * *

Таким образом, постсоветские де-факто образования проделали сложную эволюцию в борьбе за суверенитет. Их становление происходило в условиях двух распадов. С одной стороны, был нарушен политико-правовой консенсус, определявший с конца 1970-х годов статус национально-государственных образований в составе СССР. В борьбе союзных республик с центральными властями и автономий с союзными республиками (а подчас одновременно и с Кремлем) формировалась инфраструктура будущих де-факто образований, их представления о суверенитете, путях и методах их защиты. С другой стороны, распад Ялтинско-Потсдамской системы и отсутствие эффективного международного арбитража привели к отсутствию единых подходов и критериев к (не)допустимости сепаратизма. Фактически же сепаратизм бывших союзных республик получила международную легитимацию, тогда как автономиям предлагалось самоопределяться в рамках тех образований, которые были сконструированы в советские времена. В значительной степени отсутствие единых правовых правил игры предопределило и волну этнополитических конфликтов, и радикализацию представлений о суверенитете де-факто государств.

⁷ *Заявление Президента Азербайджанской Республики, Премьер-министра Республики Армения и Президента Российской Федерации от 10 ноября 2020 г.* Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64384> (accessed 12.06.2021).

⁸ *Cyprus talks can only resume on a “two-state” basis, Erdogan says.* Available at: <https://www.aljazeera.com/news/2021/7/20/cyprus-talks-can-only-resume-on-a-two-state-basis-erdogan-says> (accessed 09.07.2021).

Вся позднесоветская и постсоветская история этих образований была наполнена серией реконцептуализаций их стратегии и тактики в продвижении и защите суверенитета. Им, в отличие от новых независимых государств, возникших в результате распада СССР и получивших международное признание, были необходимы не только налаживание управленческой системы, но и готовность к борьбе за существование в условиях постоянной угрозы далеко не “дружеского поглощения” со стороны “родительских государств” и без всяких гарантий внешней легитимации. Целый ряд де-факто государств начинали свою борьбу за суверенитет с ирредентистских программ (Нагорный Карабах, Южная Осетия), но в дальнейшем должны были принять статус сепаратистов поневоле. Другие образования предпочли покинуть свое “родительское государство” ради присоединения к другому государственному проекту. Но на этом пути только Крым, провозгласивший независимость от Украины в одностороннем порядке, достиг успеха. И Абхазия, и Приднестровье были вынуждены значительно скорректировать свои изначальные представления о целях самоопределения и суверенитета.

Проекты и планы де-факто образований развивались, естественно, не в вакууме. На них оказывала воздействие политика “родительских государств”. В этом контексте крайне важно понимание и имеющихся у них возможностей. Очевидно, что ресурсы и международное положение Азербайджана облегчают ему борьбу за восстановление территориальной целостности по сравнению с Грузией или Молдавией. Значимым фактором была и эволюция российской политики. Россия, действуя в рамках “беловежского” постсоветского порядка, не была готова к открытой поддержке сепаратистских проектов. Но по мере его ревизии позиция Москвы становилась более сложной и многомерной. Сама же эта эволюция предопределялась не только внутривнутриполитическими успехами РФ в борьбе с собственными сепаратистскими вызовами, но и изменением роли и места постсоветского пространства в международной политике. Начиная с 2000-х годов Евразия превратилась в конкурентное поле, на котором интересы России сталкивались с Западом, но впоследствии о своей особой роли здесь заявили и другие игроки (Турция). Эти изменения привнесли дополнительные противоречия не только на межгосударственный, но и на внутрисоветский уровень. Следствием этого стало появление де-факто государств второго поколения.

В новых реалиях Москва действует селективно, признавая некоторые из де-факто государств (Абхазию, Южную Осетию), поддерживая политически и дипломатически Приднестровье и “народные республики” Донбасса, гарантируя миротворческую операцию в Карабахе без поддержки

самоопределения армянского национального движения НКР.

За 30 лет, прошедших с момента распада СССР, де-факто государства смогли реализовать свой суверенитет путем как частичного международного признания и достижения определенной внутренней стабильности, так и отделения от “ро-

дительских государств” без четких гарантий и перспектив будущего в условиях “заморозки” или “разморозки” вооруженных конфликтов. В то же время ни в одном из случаев невозможно говорить об окончательном определении их статуса, если под таковым понимать достижение всеобъемлющего компромисса всех заинтересованных игроков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Florea A. De Facto States: Survival and Disappearance (1945–2011). *International Studies Quarterly*, 2017, vol. 61, no. 2, pp. 337-351.
2. Kazantsev A., Rutland P., Safranchuk I., Medvedeva S. Russia’s policy in the “frozen conflicts” of the Post-Soviet space: from ethno-politics to geopolitics. *Caucasus Survey*, 2020, no. 2, pp. 142-162.
3. O’Loughlin J., Kolosov V., Toal G. Inside the Post-Soviet de facto states: A comparison of attitudes in Abkhazia, Nagorno Karabakh, South Ossetia, and Transnistria. *Eurasian Geography and Economics*, 2014, vol. 55, no. 5, pp. 423-456.
4. Silaev N. Russia and its Allies in Three Strategic Environments. *Europe-Asia Studies*, 2021. Available at: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/09668136.2021.1887087> (accessed 14.07.2021).
5. Kutlay M., Öniş Z. Turkish foreign policy in a post-western order: strategic autonomy or new forms of dependence? *International Affairs*, 2021, vol. 97, no. 4, pp. 1085-1104.
6. Berg E., Mölder M. Who is entitled to “earn sovereignty”? Legitimacy and regime support in Abkhazia and Nagorno-Karabakh. *Nations and Nationalism*, 2012, no. 18 (3), pp. 527-545.
7. Isachenko D.V. Double Standards of International Recognition: Right vs. Might? *Journal of International Analytics*, 2020, vol. 11, no. 3, pp. 22-34.
8. Pegg S. *Twenty Years of de facto State Studies: Progress, Problems, and Prospects*. 2017. Oxford Research Encyclopedia of Politics. Available at: https://www.researchgate.net/publication/319043563_Twenty_Years_of_de_facto_State_Studies_Progress_Problems_and_Prospects (accessed 10.07.2021).
9. Lynch D. Separatist States and Post-Soviet Conflicts. *International Affairs*, 2002, vol. 78, no. 4, pp. 831-848.
10. Ильин М.В., Мелешкина Е.Ю., Мельвил А.Ю. Формирование новых государств: внешние и внутренние факторы консолидации. *Полис. Политические исследования*, 2010, № 3, сс. 26-39. [Ilyin M.V., Meleshkina E.Yu., Mel’vil’ A.Yu. Formation of new states: internal and external factors of consolidation. *Polis. Political Studies*, 2010, no. 3, pp. 26-39. (In Russ.)] Available at: <https://www.politstudies.ru/article/4277> (accessed 10.07.2021).
11. Broers L., Iskandaryan A., Minasyan S., eds. *The unrecognized politics of de facto states in the Post-Soviet space*. Yerevan, Caucasus Institute and International Association for the Study of the Caucasus, 2015. 240 p.
12. Токарев А.А. Сравнительный анализ сепессий на посткоммунистическом пространстве: квантификация факторов влияния. *Полис. Политические исследования*, 2017, № 4, сс. 106-117. [Tokarev A.A. Comparative analysis of secession: quantification of influencing factors. *Polis. Political Studies*, 2017, no. 4, pp. 106-117. (In Russ.)] Available at: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.04.08>
13. Мелешкина Е.Ю. Государственное строительство и институциональная трансплантация в посткоммунистических странах. *Политическая наука*, 2016, № 4, сс. 186-213. [Meleshkina E.Yu. State-building and institutional transplantation in post-communist countries. *Political Science*, 2016, no. 4, pp. 186-213. (In Russ.)]
14. Ягья В.С., Антонова И.А. Государства с ограниченным признанием во внешней политике Российской Федерации: сравнительный анализ основных черт. *Сравнительная политика*, 2020, № 4, сс. 92-105. [Yagya V.S., Antonova I.A. States with Limited Recognition in Russian Foreign Policy: Comparative Analysis of Key Features. *Sravnitel’naya politika*, 2020, no. 4, pp. 92-105. (In Russ.)]
15. King Ch. Eurasia’s Nonstate States. *East European Constitutional Review*, 2001, vol. 10, no. 4, pp. 4-15.
16. Tamás G. Ethnarchy and Ethno-Anarchism. *Social Research*, 1996, vol. 37, no. 1, pp. 147-190.
17. Добронравин Н.А. *Непризнанные государства в “серой зоне” мировой политики: основы выживания и правила суверенизации*. СПб., Европейский университет в СПб., 2011. 56 с. [Dobronrav N.A. *Unrecognized states in the “grey zone” of world politics: foundations for survival and rules of sovereignization*. St. Petersburg, European University at Saint Petersburg, 2011. 56 p. (In Russ.)]
18. Ó’Beacháin D., Comai G., Tsurtsunia-Zurabashvili A. The Secret Lives of Unrecognized States: Internal Dynamics, External Relations, and Counter-recognition Strategies. *Small Wars & Insurgencies*, 2016, vol. 27, no. 3, pp. 440-466.
19. Kopecek V., Hoch T., Baar V. Conflict transformation and civil society: The case of Nagorno-Karabakh. *Europe-Asia Studies*, 2016, vol. 68, no. 3, pp. 441-459.
20. Blakkisrud H., Kemoklidze N., Gelashvili T., Kolstø P. Navigating de facto statehood: trade, trust, and agency in Abkhazia’s external economic relations. *Eurasian Geography and Economics*, 2021, vol. 62, no. 3. Available at: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/15387216.2020.1861957>
21. Frear T. The foreign policy options of a small unrecognized state: the case of Abkhazia. *Caucasus Survey*, 2014, vol. 1, no. 2, pp. 83-107.

22. Rytövuori-Apunen H. *Power and Conflict in Russia's Borderlands: The Post-Soviet Geopolitics of Dispute Resolution*. London, I. B. Tauris, 2019. 344 p.
23. Ильин М.В. Признание государства в контексте эволюции мировой системы. *Международные процессы*, 2012, т. 10, № 1, сс. 18-27. [Ilyin M.V. The state recognition in the context of the world system evolution. *International trends*, 2012, vol. 10, no. 1, pp. 18-27. (In Russ.)]
24. Ó' Beacháin D. The dynamics of electoral politics in Abkhazia. *Communist and Post-Communist Studies*, 2012, vol. 45, pp. 165-174.
25. Caspersen N. *Unrecognized States: The Struggle for Sovereignty in the Modern International System*. Cambridge, Polity Press, 2012. 210 p.
26. Yannis A. The Concept of Suspended Sovereignty in International Law and Its Implications in International Politics. *European Journal of International Law*, 2002, vol. 13, no. 5, pp. 1037-1052.
27. Lapidus G. Contested Sovereignty: The Tragedy of Chechnya. *International Security*, 1998, vol. 23, no. 1, pp. 5-49.
28. Пуциев А.А. Территории проблемного суверенитета. *Научные тетради Института Восточной Европы*, 2006, вып. 1, сс. 15-30. [Tutsiyev A.A. Territories of problematic sovereignty. *Scientific Papers of the Institute of Eastern Europe*, 2006, iss. 1, pp. 15-30. (In Russ.)]
29. Kudelia S., Van Zyl J. In My Name: The Impact of Regional Identity on Civilian Attitudes in the Armed Conflict in Donbas. *Nationalities Papers*, 2019, vol. 47, no. 5, pp. 801-821.
30. Wendt A. *Social Theory of International Politics*. Cambridge, Cambridge University Press, 1999. 430 p.
31. Hobsbawm E., Ranger T., eds. *The Invention of Tradition*. Cambridge, Cambridge University Press, 1983. 324 p.
32. Gellner E. *Nations and nationalism*. Ithaca, Cornell University Press, 1983. 150 p.
33. Harzl B. International Conflicts and International Law. *Journal of International Analytics*, 2020, vol. 11, no. 3, pp. 11-21.
34. Бурдые П. Социальное пространство и символическая власть. *Thesis*, 1993, вып. 2, сс. 137-150. [Bourdieu P. Social space and symbolic power. *Thesis*, 1993, iss. 2, pp. 137-150. (In Russ.)]
35. Ачкасов В.А. Концепт “дилемма безопасности” в исследовании динамики этнополитических конфликтов. *Вестник СПбГУ, Серия 6. Политология. Международные отношения*, 2016, вып. 2, сс. 24-30. [Achkasov V.A. The Concept of “Security Dilemma” in the Study of the Dynamics of ethno-political Conflicts. *Bulletin of St. Petersburg University, Ser. 6. Political science. International Relations*, 2016, iss. 2, pp. 24-30. (In Russ.)]
36. Зубкова Е.Ю. Власть и развитие этноконфликтной ситуации в СССР. 1953–1985 гг. *Отечественная история*, 2004, № 4, сс. 3-32. [Zubkova E.Yu. Power and development of ethno-conflict situation in the USSR. 1953–1985. *Otechestvennaya istoriya*, 2004, no. 4, pp. 3-32. (In Russ.)]
37. Галстян А.С. Карабахские виражи во внешней политике США. *Международная жизнь*, 2016. [Galstyan A.S. The Karabakh turns in the US foreign policy. *The International Affairs*, 2016. (In Russ.)] Available at: <https://interaffairs.ru/news/show/15177> (accessed 02.07.2021)
38. Shaw M. The Heritage of States: The Principle of Uti Possidetis Juris Today. *British Yearbook of International Law*, 1996, vol. 67, no. 1, pp. 75-154.
39. Лакоба С.З. *Абхазия де-факто или Грузия де-юре? О политике России в Абхазии в постсоветский период, 1991–2001 гг.* Sapporo, Hokkaido University Slavic Research Center, 2001. 111 с. [Lakoba S.Z. *Abkhazia de-facto or Georgia de-jure. On the Russian politics in Abkhazia in the Post-Soviet period, 1991–2001*. Sapporo, Hokkaido University Slavic Research Center, 2001. 111 p. (In Russ.)]
40. Платонова М.А. Де-факто независимые государства Кавказа: переосмысление терминологии. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения*, 2012, № 1, сс. 98-101. [Platonova M.A. De-facto independent states of the Caucasus: reassessment of terminology. *Bulletin of Volgograd State University. Ser. 4: History. Regional Studies. International Relations*, 2012, no. 1, pp. 98-101. (In Russ.)]
41. Has K., Kaleji V., Markedonov S. *The Breakdown of the Status Quo and the International Dimension of the Nagorno-Karabakh Crisis*. Moscow, Valdai Discussion Club Report, 2020. 31 p.

POST-SOVIET DE FACTO STATES: TRAJECTORIES OF THEIR STRUGGLE FOR SOVEREIGNTY

(World Economy and International Relations, 2021, vol., 65, no. 12, pp. 79-89)

Received 28.07.2021.

Sergey M. MARKEDONOV,

ORCID 0000-0003-2298-9684, smarkpost@gmail.com

Institute for International Studies at MGIMO University, 76, Prosp. Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation.

Acknowledgements. The reported study is funded by MGIMO-University, project number is 1921-01-05.

The de-facto statehood is a multi-faceted phenomenon of the international politics. They are key elements of the ethno-political conflicts in the contexts of collapse of multi-ethnic federations, empires as well as processes of decolonization. In spite of growing scientific interest to this phenomenon de-facto states' studies face a clear lack of interdisciplinary research. Most of papers are devoted to the conflict dynamics, issues of theory and international

law issues or cover some particular country cases. The topical perspectives of de-facto states are often studied with no special attention to their historical background. The offered article examines the trajectories of the struggle for the sovereignty of Post-Soviet de facto entities. The author provides a comprehensive analysis of their evolution in the last years of the existence of the Soviet Union and in the period after of the USSR dissolution. The article offers a typology of de facto states. From the author's point of view, we can talk about two generations of such formations. If the first generation was a result of the once single state collapse as well as growing fight for revisiting statuses of former union and autonomous entities, the second one was a consequence of the crisis of nation-building in the newly independent states and the growing competition between Russia and the West for influence in Eurasia. The article presents the evolution of the trajectories of the de facto states ' struggle for sovereignty in the context of three successive Post-Soviet regional orders. According to the author, all the Post-Soviet unrecognized republics were formed in the conditions of the destruction of the constitutional consensus of 1977–1978. However, then the trajectories of asserting and protecting the sovereignty of the de facto entities diverged significantly. The author evaluates the general and special features of these processes. In his view, this dynamics has depended on the regional context changes (revision of “the Belavezha order”) but at the same time, changes within de facto states seriously influenced the international environment.

Keywords: de-facto states, the USSR dissolution, Post-Soviet space, ethno-political conflicts, nation-building, sovereignty, independence, autonomy, self-determination, state-patron.

About author:

Sergey M. MARKEDONOV, Cand. of Sci. (History), Leading Researcher at Center for Euro-Atlantic Security.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-12-79-89